

The History of Relations between the State and Religious Denominations История взаимоотношений государства и религиозных конфессий

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437)

УДК 297.17

Original Paper

Оригинальная статья

Дискурс отечественных спецслужб о «халифатском вопросе» 1920-х годов: Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ и политическое единство исламского мира

Ю. Н. Гусева

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
г. Самара, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>, e-mail: j.guseva@mail.ru

Аннотация: статья посвящена изучению дискурса отечественных спецслужб в отношении вопроса о халифате, путей его достижения и политического потенциала халифатистского движения в контексте советской «восточной» внешней политики. Проблема исследуется через призму взаимодействия Восточного отдела ОГПУ и видного российского мусульманского мыслителя Мусы Бигиева. Опираясь на неизвестные архивные материалы и новейшие достижения российской и зарубежной историографии, автор проводит сравнительный анализ установок различных советских и партийных учреждений по вопросу включения вопроса о возрождении халифата в общий контекст антиколониальной, антиевропейской борьбы. В результате делается вывод о том, что стратегия и тактика отечественных спецслужб в данном вопросе принципиально отличались от позиции других советских заинтересованных структур и мнения европейской (в частности, британской) разведки и были направлены на максимальное сужение самостоятельности российской мусульманской элиты. В итоге все это способствовало укреплению антихалифатского дискурса и исламофобских настроений в среде советской управленческой элиты.

Ключевые слова: Бигиев Муса; Восточный отдел ОГПУ; дискурс спецслужб; ислам; халифат

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Гусева Ю. Н. Дискурс отечественных спецслужб о «халифатском вопросе» 1920-х годов: Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ и политическое единство исламского мира. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):421–437. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437.

Soviet Intelligence Discourse about Caliphate Question in 1920s: Musa Bigiev, Eastern Department OGPU and Islamic political unity

J. N. Guseva

Moscow City University, Samara branch, Samara, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5731-7274>, e-mail: j.guseva@mail.ru

Abstract: this article deals with the study of the views of the Soviet intelligence on the so-called short-lived “Caliphate movement”, which originates from the then British India. Even after its official abolition in 1924, this institution did not lose its symbolic appeal for Muslims across the world. As an idea it continued offering the Muslims a sense of the *umma* i.e. the global community of Muslims. The author offers the Soviet intelligence interpretation of the idea of the Caliphate movement in the context of the Soviet “eastern” foreign policy. The article describes this issue through the prism of interaction between the Eastern Department of the OGPU (USSR Secret service) and Musa Bigiyev, a prominent Russian Muslim leader of the 19th–20th cent. Based on hitherto unknown archival materials and the most recent Russian and foreign historical studies, the author offers a comparative analysis of the attitudes of various Soviet and Communist Party institutions to the Caliphate idea and the Caliphate movement in the context of anti-colonial, anti-European struggle. In conclusion article shows the discrepancy between the strategy and tactics of Soviet intelligence services as opposed to the views of European (in particular, British) intelligence services. As a result, these activities contributed to the restriction of independence of the Russian Muslim elite on one hand-side, strengthening the anti-Caliphate feelings and Islamophobic views among the Soviet management elite on the other.

Keywords: Bigiev Musa (1870–1949); Islam; OGPU, Department, Oriental, of; Secret services, contacts

For citation: Guseva J. N. Soviet Intelligence Discourse about Caliphate Question in 1920s: Musa Bigiev, Eastern Department OGPU and Islamic political unity. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):421–437. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-421-437.

Введение

В числе прочих «исламских вопросов», со второй половины XIX в. волновавших российское общество, особое место принадлежит «халифатскому

вопросу»¹, который и сегодня продолжает удерживать пальму первенства в разговорах о будущем исламского мира. Актуальному сюжету борьбы мусульманского мира за сохранение халифата как формы собственной политической субъектности не суждено перейти в разряд второстепенных тем².

«Халифатский вопрос» и его репрезентация в глазах российской управленческой элиты остается практически не изученным, хотя тематика государственно-исламских отношений XX в. прочно входит в число наиболее популярных исследовательских тем. Зарубежные исследователи, напротив, значительно продвинулись по пути изучения представлений европейских чиновников о халифате и халифатизме. Конор Миледи (Conor Meleady) констатирует, что взгляд британских управленцев на халифат как на двигатель политических процессов внутри исламского мира периода Первой мировой войны и начала 1920-х гг. проистекал из двух моментов: 1) ориентального понимания ислама как базовой переменной, объясняющей историческое развитие и многообразие мусульманского мира; 2) являлся результирующей влияния на британских управленцев тех, кого Кристофер Бейли описал как «родных информаторов» («native informants»), эксплуатируемых властями в собственных интересах³ [2]. Абдул-Хамид II (1876–1908) и мусульманские политики Британской Индии поддерживали концепт объединения мусульманского мира под началом могущественного халифата, якобы способного единым фронтом противостоять западному влиянию. Подобная двойная природа «халифатского вопро-

¹ В историческом ключе «халифатский вопрос» (общий термин, использовавшийся, в частности, британскими чиновниками накануне и после Первой мировой войны) выступает в трех ипостасях: 1) халифатизм как идеология турецкого султана Абдул-Хамида II (1876–1908) для расширения сферы влияния Османской империи, как инструмент поддержания европейских страхов относительно мусульман, проживавших на недавно присоединенных колониальных землях; 2) как выражение взаимоотношений между Британской империей и арабскими политическими деятелями в период после Первой мировой войны, когда халифат представлялся одним из многих факторов, повлиявших на разработку британской политики в арабских странах, на формирование арабского национализма и пр.; 3) индийское халифатистское движение как уникальный индийский феномен внутри движения за независимость Индии и Пакистана. Последнее представляет собой одно из политических течений в среде мусульман Британской Индии, активизировавшееся после окончания Первой мировой войны. Индийские халифатисты начиная с марта 1920 г. активно включились в проводившиеся М. К. Ганди кампании ненасильственного сопротивления властям метрополии. Они отстаивали свои интересы, балансируя между собственным статусом меньшинства в общении с британцами, с одной стороны, и с индуистским большинством – с другой. С этой целью лидеры движения активно использовали исламские символы, в первую очередь идею халифата.

² См., например, суждения Орхана Джемала по этому вопросу: [1].

³ В преддверии Первой мировой войны британские официальные лица воспринимали халифат как важнейший элемент влияния на исламские страны, отсюда происходило стремление «приручить» халифатизм в арабском или индийском мире. Эта концепция не оспаривалась, а, скорее, подтверждалась теми выдающимися мусульманами, с которыми сотрудничали чиновники. Сочетание подобного собственного стратегического видения и влияние на мнение управленцев «коренных информаторов», пытавшихся использовать халифатский вопрос в собственных целях, породил весьма противоречивые политические предписания британской короны [3].

са», по мнению исследователя, и порождает весьма противоречивые управленческие решения [3].

Статья нацелена на выяснение обстоятельств, источников формирования «советского» дискурса спецслужб о двух составляющих «халифатского вопроса»: ситуации вокруг ликвидации халифата в Турции в 1924 г. и по отношению к индийскому халифатистскому движению. Опираясь на новейшую западную историографию, мы попытаемся выявить принципиальное сходство репрезентации этих сюжетов в материалах российской и британской разведки и контрразведки. Предложенная тема рассматривается нами через призму взаимоотношений работников Восточного отдела ГПУ-ОГПУ⁴ с одним из наиболее ярких представителей российской «мусульманской» национально-религиозной элиты – Мусой Бигиевым⁵. Судьба Бигиева в данном контексте представляет собой оригинальный, но, в общем, типичный случай, демонстрирующий степень влияния риторики и поступков мусульман-информаторов (в материалах спецслужб Бигиев предстает перед нами в этой ипостаси) на формирование управленческих взглядов советской политической элиты и работников спецслужб как ее неотъемлемой части.

⁴ Восточный отдел ГПУ-ОГПУ (1922–1930) – контрразведывательный и разведывательный орган в структуре Государственного политического управления (ГПУ-ОГПУ). Представляет собой первое и единственное в российской истории подразделение в структуре спецслужб, специализировавшееся на сборе данных, их анализе и воздействии на нехристианское (мусульманское, буддийское, носителей традиционных воззрений), нерусское (преимущественно тюркоязычное ввиду его численного доминирования) население страны и сопредельных стран Востока (Персия, Турция, Афганистан и пр.).

⁵ Бигиев Муса Джаруллах (1873–1949) – крупный российский мусульманский богослов, религиозный, общественный и политический деятель. Родился в с. Кикино Пензенской губернии (сейчас Кикино Каменского района Пензенской области) в семье ахуна. Имел обширное светское и богословское образование: окончил реальное училище в Ростове-на-Дону, учился в медресе Бахчисарая, Казани, Бухары, в старейшем мусульманском университете Аль-Азхар в Каире, в Мекке и Медине. После возвращения на родину с 1905 г. обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, выступил одним из основателей партии «Иттифак аль-муслимин». С конца 1917 г. – имам-хатиб Петроградской соборной мечети. Был активным участником съездов мусульманского духовенства 1920, 1923 и 1926 гг. Дважды (1920 и 1923) выдвигал свою кандидатуру на пост муфтия Центрального Духовного управления в Уфе, но безрезультатно. В ноябре 1923 г. был арестован за публикацию в Германии на турецкие деньги книги «Азбука ислама», но вскоре отпущен. В 1926 г. принимал участие во Всемусульманском Мекканском конгрессе. В 1927 г. пытался добиться разрешения на открытие медресе в Ленинграде, Самаре, Астрахани, но безуспешно. В 1930 г. бежал в Синьцзян (Китайский Туркестан), затем долгое время путешествовал и пытался осесть в Афганистане, Германии, Египте, Турции. Много раз совершал хадж. В 1939 г. был арестован британскими властями в Индии, и провел около двух лет в тюрьме. Скончался в Каире, похоронен на фамильном королевском кладбище Хедивие. Именем Бигиева называется серия богословских и научных мероприятий, проходящих в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Казани. Имя Мусы Бигиева присвоено мектебу при мечети и скверу рядом с мечетью г. Каменки Каменского района Пензенской области, его имя носит одна из улиц Казани.

В статье согласно общепринятой на сегодняшний момент, но не бесспорной, традиции написание фамилии приводится как Бигиев, однако в источниках 1920-х годов можно встретить иные варианты – Бигиев, Бегиев. В тексте при цитировании сохраняется оригинальное написание источника.

Предлагаемый сюжет интересен и с точки зрения освещения «белых пятен» биографии известного мыслителя. Имеющаяся историография, особенно это заметно по публикациям турецких авторов [4], в основном концентрирует внимание на давлении, которое он испытывал со стороны новой власти. Факты его ареста и преследования в 1923 г. и в конце 1920-х гг., увы, хорошо известны. Биограф мыслителя А. Тагирджанова указывает, что «Муса Бигиев сотрудничал с новой властью», обращаясь в конце 1922 г. к властям с ходатайством об организации школы при Петроградской соборной мечети [5, с. 392; 6]. Похожими фразами информация о взаимодействии Бигиева с государством, как правило, и ограничивается. Наши источники показывают, что это далеко не так.

Кроме того, «бигиеведы» довольно скромно и не очень убедительно объясняют, каким образом после ареста в ноябре 1923 г. Бигиеву удалось не только избежать серьезного наказания, но даже сколько-нибудь заметного поражения в правах. Довольно быстрое (в течение месяца) освобождение его из-под ареста трактуется как результат давления на Советы татарской зарубежной диаспоры (финских татар, турок и татар, проживавших в Турции) [7, с. 11]. «В результате этой активности Муса-эфенди был освобожден из-под стражи... Следует признать, что судебные меры, предпринятые властями по отношению к Мусе Бигиеву, не были жестокими»: он имел право свободно передвигаться, общаться с представителями национально-религиозной элиты, учеными [7, с. 11]. В сентябре-октябре 1925 г. в течение сорока дней Бигиев отдыхал в Крыму⁶, а в 1926 г. вместе с делегатами уфимского Центрального Духовного управления мусульман (далее – ЦДУМ) принял участие в работе крупного международного мероприятия, призванного найти точки соприкосновения лидеров исламского мира, Мекканского мусульманского конгресса [8]. Хорошо понимая механизмы формирования зарубежных делегаций и этапы согласования, которые проходили члены подобных групп, учитывая «темное панисламистское» прошлое Бигиева, остается задать вполне очевидный вопрос: как и почему это стало возможно?

Источниковая база исследования

Какие источники мы берем за основу исследования? В научный оборот вводятся неизвестные сведения, касающиеся выработки «восточного» вектора советской внешней политики и степени участия в ней советских мусульманских лидеров, в том числе М. Бигиева (документы НКВД и партийных органов). Ценную информацию, способную пролить свет на пересечение государственных интересов и интересов мусульманских лидеров, представить различные аспекты выработки дискурса советских и партийных органов об исламе, дают, прежде всего, неопубликованные источники Восточного отдела ОГПУ (Обзоры о «Положении на восточных окраинах и в сопредельных странах Востока»⁷,

⁶ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 401.

⁷ О них подробнее см: [9].

циркуляры⁸, внутриведомственная и межведомственная переписка с партийными и советскими структурами).

Представленные документы демонстрируют очевидную взаимосвязь между государственными установками и сочинениями, публичными выступлениями Бигиева, что накладывает известные ограничения на использование советских эго-текстов, принадлежащих перу лидеров советских мусульман, и вызывает сомнение в абсолютизации их познавательного потенциала.

Вопрос о халифате в документах Восточного отдела ОГПУ

Благодаря актуальным зарубежным исследованиям, мы знаем, что в начале 1920-х гг. идея халифатизма по-прежнему рассматривалась европейскими чиновниками как первичная переменная, влияющая на мусульманскую активность во всем исламском мире. Это понимание формировалось, в том числе, под влиянием внешних, сугубо мусульманских акторов (наиболее известны действия турецкого султана Абдул-Хамида II и индийских халифатистов), которые использовали угрозу широкомасштабной мусульманской агитации для давления на ведущие европейские державы. При этом мы почти не представляем, как определялся халифат и халифатизм советскими чиновниками в политической и идеологической практике 1920-х гг.

Понимание большевиками стратегических задач на Востоке как «неотъемлемой части борьбы с империалистическим Западом» толкало их во временные политические объятия с любыми формами активности исламского мира, которым приписывался имманентно антиевропейский характер. Учитывая сложившееся еще в имперских властных кругах довоенное реноме халифатизма как части «панисламизма» – движения *al-riḡiḡi* направленного против Запада (в этом отношении российские чиновники мало чем отличались от европейских⁹) – поворот в сторону поддержки халифата был вполне ожидаем. Все, что пугало европейских бюрократов, играло на руку Советам. Руководитель «восточного отдела» Исполкома Коминтерна С. Брике-Бестужев в сентябре 1921 г. написал: «...Завладеть или просто вырвать из рук [Англии. – *Авт.*] халифат явится на Востоке победой Коминтерна»¹⁰ (цит. по: [12, с. 15]).

Итак, первой характеристикой халифатизма в понимании советских управленцев стал его антиевропейский, в частности антибританский характер. Идея воссоздания халифата, таким образом, превращалась в полюс, вокруг которого могли объединиться как пробританские, так и антибританские силы, способные управлять «мусульманскими» движениями в Индии, на Среднем и Ближнем Востоке. Подобная логика работала по обе стороны бар-

⁸ Источниковый анализ дан в работе: [10].

⁹ Подробнее об имперском восприятии халифата и панисламизма: [11].

¹⁰ *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Ф. 495. Оп. 1. Д. 76. Л. 61–73.

рикад: во многих, объективно не связанных между собой случаях беспорядков и восстаний в зоне британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, Форин-офис видел «руку Ленина» и «пан-исламо-иудео-большевистского заговора» [13, р. 65; 14, р. 9–11].

Принципиальная позиция советской «восточной контрразведки» по этому вопросу имеет явную перекличку с общеевропейскими оценками, ставящими халифат в ряд с прочими «пан-исламскими» движениями. Советские спецслужбы видели в любых политических формах объединения стран Востока попытку ислама усилиться и противостоять существующему порядку вещей¹¹ (цит. по: [12, с. 68]). Не случайно в одном из циркуляров руководителя Восточного отдела Я.Х. Петерса¹² мы находим такой пассаж:

«Находясь в самой тесной связи с религиозными верхами Турции, полностью признавая авторитет Халифата [так в ист. – Ю. Г.], мусульманское духовенство вновь самым решительным образом начинает внедрять в массы идеи панисламизма, являясь, таким образом, застрельщиком более активной контрреволюции и подготавливая для последней благоприятную почву»¹³.

В этой логике становится понятно, почему после 1924 г. идея избрания нового халифа воспринималась Восточным отделом негативно. Она выглядела как стремление стран Востока к организационному, духовному усилению, как стимул для объединения мусульманских лидеров в Советской России и за ее пределами. Замечательно другое – факт падения халифата и эмиграции халифа в Швейцарию также не был встречен восточной контрразведкой восторженно. В обзоре №10 «Положения на Восточных окраинах СССР и в сопредельных с ними странах» за период с 15 февраля по 1 апреля 1924 г. отмечалось:

«Кемаль Паша, уничтожением халифата преследовал две главные цели: 1. Создание великой Турции, объединенной на единой основе национализма (пантюркизма), и уничтожение фактического двоевластия в государстве. 2. Объединение всех мусульман на почве национального (пантюркистского) возрождения без религиозных препятствий и объединение между отдельными мусульманскими течениями»¹⁴.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 796. Л. 11.

¹² Петерс Яков (Якоб) Христофорович (1886–1938) – уроженец Бринкенской волости Курляндской губернии. Участвовал в революции 1905–1907 гг., затем эмигрировал в Англию. В 1917 г. – член Временного революционного комитета Петроградского совета. Член Коллегии ВЧК с момента ее образования по 1929 г. С декабря 1917 по июнь 1918 г. – секретарь ВЧК, с декабря 1920 г. – член Президиума ВЧК. Возглавлял ВЧК с 9 июля по 22 августа 1918 г. во время левозсеровского мятежа в Москве. С июня 1922 по 1929 г. – начальник Восточного отдела ГПУ-ОГПУ. Арестован 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, приговорен 25 апреля 1938 г. к ВМН. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

¹⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 410.

Таким образом, страх угрозы объединения исламского мира под религиозными лозунгами сменялся боязнью взращивания глобального турецкого национализма. На смену одному «пан-изму» пришел другой.

Негативизм внешних наблюдателей, объединяющий обе понятийные конструкции (антизападную и панисламскую), сквозил в оценках «восточными» контрразведчиками усилий Великобритании в вопросе воссоздания халифата как политического института. ВО ОГПУ старательно блокировал попытки участия российских лидеров в инициированных британцами мусульманских конгрессах¹⁵, которые, по его мнению, были «направлены к натравливанию мусульманских окраин СССР против Советской власти и отвлечению внимания мусульман от деятельности Англии в мусульманских странах»¹⁶. Одновременно участие в конгрессах, не имевших британской поддержки, становилось одной из возможных форм воздействия на исламский мир.

Тем временем внутри советско-партийной элиты вызревала мысль об использовании ресурсов общественной дипломатии в лице активных российских мусульманских лидеров, способных выступать в роли информантов и пропагандистов, могущих продемонстрировать исламскому миру преимущества нового политического устройства. Отнюдь не случайно в 1919 г. в недрах Коминтерна и Наркомата иностранных дел оформляется идея о систематическом использовании мусульманского духовенства при решении различных вопросов внешней политики. В 1919 г. по официальной просьбе НКВД и лично заместителя Наркома Л. Карахана (1889–1937) Муса Бигиев сопровождал в поездке по России крупного индийского религиозного, общественного деятеля Баракатуллу (Абдул Хафиз Мохаммед Баракатулла, 1854–1927), по негласному поручению афганского эмира Амануллы прибывшего на переговоры с Лениным для выработки единой антибританской линии на Востоке. Баракатулла стал личным гостем Бигиева [15, с. 344–345; 16].

1923-м годом датируется обращение к Председателю комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП(б)-ВКП(б) Ем. Ярославскому от главы НКВД Г. Б. Чичерина о возможности и перспективах использования мусульманского духовенства «как политического орудия» в целях «укрепления политической линии Советского государства в Персии»¹⁷. Ему предшествовала переписка полномочного представителя НКВД в Персии Б. Шумяцкого

¹⁵ В декабре 1923 г. в Калькутте с подачи британской короны был запланирован всемусульманский конгресс. Основная идея Калькуттского конгресса, вероятно, заключалась в объединении исламских государств под лозунгом халифата: «Основным вопросом съезда и лозунгом, под которым он будет проходить, является объединение мусульман всего мира. Этот лозунг сейчас имеет большой отклик и этим следует объяснить то сближение, которое существует между находящимися здесь (в Калькутте. – Ю. Г.) послами, которые регулярно встречаются и обмениваются информацией» (см.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 731. Л. 4). Весной 1924 г. в Константинополе предполагалось провести второй, пробританский, съезд (см.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 731. Л. 7).

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 731.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 2.

с Г. Чичериним. 18 августа 1923 г. дипломат из Тегерана напишет в Москву следующее: «Необходимо тщательно регулярно информировать мусульманство и его духовные объединения о важнейших событиях на Востоке, главным образом, по вопросам использования шариата в целях угнетения трудовых масс, англонасилия и прочего с таким расчетом, чтобы мусульманство систематически и громко реагировало бы на события на Востоке»¹⁸. Месяцем позже начальник Восточного отдела Я. Петерс напишет Ем. Ярославскому: «В своей активной работе по мусульманству мы всегда учитывали то, что положительные результаты этой работы /воззвания, сочувственные резолюции и т.д./ смогут быть использованы и за рубежом. Но всесторонне и глубоко вопрос об использовании мусульманства для зарубежного влияния встал перед нами сравнительно недавно в результате переписки с НКВД. Эти специальные задания НКВД ставят перед нами задачу особо быстрого и значительного расширения работы»¹⁹. Затем среди прочих манипулятивных и аналитических замечаний Петерс укажет следующее:

«В данный момент мы наблюдаем стремление духовных органов связаться с новым халифом²⁰ путем поездки в Турцию для его приветствия. Крымское Духовное Управление уже выделило двух представителей для поездки. Аналогичные сведения, пока точно не выясненные, поступили в отношении Ташкента и Уфы. Наша задача состоит в том, чтобы взять под свой строгий контроль (и если будет возможно руководство) эти намечающиеся весьма интересные связи»²¹.

Включение мусульман-информантов в дипломатический процесс требовало выяснения их принципиальной позиции по вопросу о сохранении халифата. Обзоры, готовившиеся в этот период на Лубянке, пестрят сообщениями о реакции религиозной элиты различных частей страны на кризис (1922–1923) и падение (1924) турецкого халифата. Как оказалось, отклик был неоднородным и, по свидетельству наблюдателей, зависел от культурно-исторического тяготения к Турции и настроя так называемого прогрессивного и консервативного духовенства²² (цит. по: [17, с. 81–82]). Российские мусульмане Волго-Урала, Крыма, Туркестана не имели консолидированной позиции по этому вопросу, по-разному воспринимая идею духовного лидерства Турции. Если два первых региона в 1922–1924 гг. не ставили под сомнение турецкое лидерство, то часть туркестанского духовенства ориентировалась на афганского эмира.

Муфтий уфимского ЦДУ Ризаэтдин Фахретдинов и его окружение занимали в вопросе о судьбе халифата после 1924 г. весьма гибкую позицию. Ризаэтдин

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 5–6.

²⁰ Им с ноября 1922 г. до момента упразднения института халифата в марте 1924 г. был Абдул-Меджид II (1868–1944).

²¹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 6.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 370, 371; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 187–187 об.

Фахретдинов высказывался за наличие выбранного мусульманами разных стран халифа, «если это не противоречит политике Советской власти». В одном из писем муфтия в адрес кади Кашшафутдина Тарджиманова (1877–1943(?)) значилось, что «необходимо выждать до выяснения позиции советской власти к халифатскому движению и ориентироваться на политику и интересы Советской власти»²³. Тарджиманов также поддерживал принцип выборности халифа и необходимости созыва всемусульманского съезда для решения вопроса о будущем халифата. В связи с этим Духовное управление в специальном обращении к духовенству призывало до окончательного решения «халифатского вопроса» не молиться ни за какого халифа²⁴. Уследить за колебаниями советского «восточного» внешнеполитического курса религиозным лидерам было непросто, потому выжидательно-осторожный подход уфимского муфтията был одним из самых понятных и, возможно, тактически верных.

В тот момент, когда вокруг турецкого халифа и османского халифата стали сгущаться тучи, а советское государство стало более четко ставить задачу противодействия прохалифатским британским усилиям и поддержки антибританских сил в разных частях Ближнего и Среднего Востока, ВО ОГПУ был вынужден прибегнуть к помощи тех, кого в ведомственных документах именовали «ярыми панисламистами» и «пантюркистами»²⁵. Тем более что представители российской исламской элиты своим внешним конформизмом и разнообразием позиций формировали мнение о возможности их включения в процесс общественной дипломатии. Одним из таких помощников власти стал и Муса Бигиев.

Бигиев в интерьерах новой «Большой игры»

Первые постреволюционные годы, период относительной свободы, позволяли Бигиеву позиционировать себя в роли сторонника мусульманского единства не только в масштабах страны, но и всего мира. В своих трудах начала 1920-х гг. он неизменно отражал идею объединения всех мусульман под началом главы исламского халифата Турции, государства, «обеспечивающего интересы и процветание мусульман и их независимость» [18, с. 92]. Принимая правила игры, навязанные большевиками, декларируя лояльность Советам, на съезде духовенства 1920 г. он настойчиво пытался заручиться поддержкой Духовного управления, с тем чтобы провести «резолюцию приветствия иттихад-терракистам (младотуркам. – Ю. Г.) Энверу-паше и Талаат-паше. Когда съезд отказался от обсуждения этого вопроса, Бигиев был очень недоволен»²⁶. В пункте 113 своего программного общественно-политического произведения «Воззвание к мусульманским нациям» («Азбука ислама») Бигиев заявил от

²³ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 8.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666.

²⁶ Там же. Д. 661.

имени всех российских мусульман, улемов и Духовного собрания о признании за Турцией права «на управление исламским халифатом»²⁷.

Судя по бигиевским заявлениям и трудам, вопрос об усилении позиций национально-религиозной элиты российских тюрок-мусульман должен решаться за счет привлечения внимания широкой зарубежной общественности, мусульманской эмиграции, активизации их внешнеполитических контактов и включения в мировые процессы. Бигиев старательно пропагандировал идею объединения всех мусульман под началом новой Турции, пуская в массы лозунг «Мусульмане всей земли, объединяйтесь!» [20].

Муса Бигиев как частное лицо собирался выехать на Калькуттский мусульманский съезд, готовившийся британцами в конце 1923 г., и для этого в конце сентября – начале октября ходатайствовал в Наркомате иностранных дел о выдаче ему визы²⁸. Однако, как известно, в ноябре 1923 г. он был арестован, и одним из центральных предъявленных общественному деятелю обвинений стала его приверженность идеям панисламизма. Вскоре богослов был отпущен на свободу и, как мы показали выше, получил практически неограниченную свободу передвижения. Почему это стало возможным?

Ранее неизвестные архивные материалы Восточного отдела ОГПУ и партийных органов позволяют нам выдвинуть предположение о том, что Бигиев получил «зеленый свет» в своих международных поездках ввиду изменившейся конъюнктуры внешнеполитического курса Советской России и согласия сотрудничать с властью в этих вопросах.

Как отмечает один из основных исследователей творчества богослова Айдар Хайрутдинов, мыслитель постоянно выступал с жесткой критикой коммунистической идеологии и марксизма как учения [18, с. 9]. Думается, что это заблуждение, особенно если мы обратимся к ситуации после 1923 г.: иначе чем объяснить неоднократные публичные признания Бигиева в лояльности Советской власти? (см.: [17, с. 91–101]). Об этом весьма едко написал в своей записке 1927 г. начальник II отделения Восточного отдела ОГПУ Х. Петросьян²⁹: «Лучше Мусы хвалить Советскую власть также никто не сумеет. Это тоже он неоднократно уже выявлял»³⁰.

После ликвидации института халифата в марте 1924 г. Восточный отдел в переписке с партийными органами продолжал поддерживать антихалифатский курс, настаивая на необходимости проведения в мечетях, в советской

²⁷ См.: [4]; эта же информация без указания на автора и источник дана в работе: [19, с. 50].

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 737. Л. 25.

²⁹ Петросьян (Петросян) Хорен Самвелович (1900–1940) – сотрудник органов госбезопасности. В РККА с 1918 г., в органах контрразведки – с 1920 г. В 1921–1922 гг. – начальник СОЧ Грузинской ЧК, в 1922–1923 гг. – особоуполномоченный Закавказской ЧК. В 1923–1926 гг. – уполномоченный 2-го отделения ВО ОГПУ, в 1926–1928 гг. – помощник начальника ВО ОГПУ. В 1931–1931 гг. – председатель ГПУ Узбекской ССР, в 1933–1934 гг. – председатель ГПУ Туркменской ССР. 21 марта 1940 г. приговорен к ВМН. Не реабилитирован.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 417.

прессе пропаганды об уничтожении института как такового³¹. Тогда же Я. Петерс сообщил Ем. Ярославскому о возможности привлечения к подобной пропаганде Бигиева, так как он «согласен выступить в печати против халифата вообще»³².

Двумя годами позже, когда ситуация на Ближнем и Среднем Востоке серьезно изменилась, а идея возрождения халифата под эгидой Турции канула в Лету, актуальной становилась задача поддержки и объединения антибритански настроенных индийских халифатистов. В этом контексте особенную ценность для НКВД и ОГПУ представляли индийские связи М. Бигиева, которые уходили своими корнями в дореволюционную и раннебольшевистскую эпоху.

В преддверии Второго всемусульманского конгресса в Мекке, запланированного на лето 1927 г., аналитики Восточного отдела ОГПУ формулировали основные проблемы, связанные с участием в нем представителей российской уммы.

Обсуждая перспективы участия или неучастия советских мусульман, Петросьян по результатам беседы с коллегами из НКВД докладывал Петерсу свои соображения. Ввиду их особой значимости приведем их целиком:

«Если не будет в Мекке нашей делегации, то за все время хаджа в Мекке нужно иметь одного или нескольких наиболее авторитетных мулл из Союза, на которых можно было бы положиться. Нужен, кроме того, человек, который мог бы связаться с индийскими халифатистами. Я (Петросьян. – Ю. Г.) сказал, что таким человеком является один только Муса Бигиев и вот почему:

А) Лучше Мусы против англичан никто сказать не умеет. Пример Уфимского съезда, где делегаты навзрыд плакали, когда Муса рассказывал об ужасах колониального угнетения (...).

В) Только Муса может связаться с индийскими халифатистами, т.к. он один из всей нашей делегации взял на себя защиту индийских халифатистов в то время, когда все остальные делегаты считали, что индийские халифатисты – шпионы английского правительства. По этому поводу он написал статью, которую мы не пропустили, чтобы избежать дискуссии и ажиотажа в мусульманском духовном мире. Теперь же, если это нужно будет, статью можно пропустить в один из религиозных журналов, сделать статью (через НКВД) достоянием индийских халифатистов и, тем самым, подготовить возможность блока Мусы с индийскими халифатистами в Мекке, если это будет нужно»³³.

Получается, что недавно опубликованное хадж-наме Бигиева, повествующее о его путешествии в Мекку в 1927 г., можно изучать в ином, непривычном, ракурсе, выявляя те проблемы, которые нуждались в совместном изучении

³¹ В январе 1924 г. на места были разосланы указания ВО ОГПУ о проведении целенаправленной кампании среди мусульманского духовенства «за полное уничтожение халифатских институтов» (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 681).

³² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 8.

³³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 417, а также [9].

и анализе богослова и представителей власти. Так, на страницах его путевых заметок появляются рассуждения об англичанах и халифатизме:

«Я ознакомился со статьями по проблемам халифата: они представляют собой сомнения по отношению к другим и демонстрируют отсутствие опоры на собственные силы. Они основаны на том, что по всем аспектам показывают испуг перед англичанами... Сегодня нет мусульманина, который имел бы исчерпывающе подробные знания об Аравии. Только английское правительство знает обо всем исламском мире и об Аравии все. Аравия сегодня изучена английским правительством во всех отношениях» [7, с. 30, 52].

Когда индийские халифатисты, которых Бигиев поддерживал и защищал, заинтересовали советских политических лидеров как возможные проводники антибританской политики на глобальных площадках мусульманских конгрессов середины 1920-х гг., тогда и возникла необходимость привлечения способных российских исламских лидеров для решения новых внешнеполитических задач. Муса Бигиев с его связями, ораторскими и интеллектуальными способностями представлялся властям именно такой фигурой, но как только отпала необходимость в продвижении этих идей на мировой арене, участь мыслителя была решена. К тому моменту, когда в 1930 г. он бежал из страны, контрразведка уже накопила изрядное количество доказательств в пользу его «антисоветской» деятельности³⁴.

Заключение

«Халифатский вопрос» в документах спецслужб 1920-х гг. рассматривался в двух плоскостях: 1) халифат как форма политической самоорганизации исламского мира – элемент течения панисламизма, стремящегося «опрокинуть Запад»; 2) халифат – политическое движение, способное объединить мусульманский мир в борьбе с Британской империей. В обоих случаях речь шла о сопротивлении европейскому влиянию, созвучному внешнеполитическим интересам большевизма. Однако имперское наследие – угроза панисламизма – продолжало держать в напряжении советскую управленческую элиту: подозрения в «двуличности» в отношении «собственного» мусульманского мира никогда не исчезали, осложняя использование идеи халифата в собственных антиколониальных целях.

Выработка позиции спецслужб по данному вопросу происходила при непосредственном участии партийных органов и НКВД и на начальном этапе зиждилась на общепартийных установках. Партийно-советская правящая элита, в свою очередь, не была так категорична, как Восточный отдел: задачи сопротивления британскому влиянию, раскачивания «лодки» империализма, готовой пойти ко дну при поднятии «волны с Востока», заставляли Коминтерн и НКВД искать союзников среди мусульманских лидеров России и дальнего зарубежья. Под влиянием извне, в 1926–1927 гг., советские спецслужбы помог-

³⁴ В архиве Управления ФСБ России по Республике Татарстан хранится документ, именуемый «Схема связей Муссы Бигиева», датированный 1930 г. (*Управление ФСБ России по Республике Татарстан*. Ф. 113. Оп. 1. Д. 60).

ли Чичерину поднять зеленый флаг «мусульманской дипломатии» на Востоке в надежде на оживление антибританских настроений в Индии, на Ближнем и Среднем Востоке. Впоследствии же большевистская интерпретация халифатизма как орудия антибританской борьбы уступила свои позиции привычным, имевшим еще имперскую природу, управленческим ориентальным страхам, которые разделяли работники советских спецслужб.

Проводя сравнительный анализ репрезентации «халифатского вопроса» в документах советских и британских спецслужб, отметим следующее. Они были едины в неприятии халифата как политического института: и те и другие связывали его с идущей с довоенных времен «панисламистской» угрозой объединения мусульманского мира против стран Европы. Отличие состояло в том, что британцы в случае полного контроля были готовы поддерживать государство – главу халифата (об этом говорят многочисленные усилия британской стороны по воссозданию «ручного» халифата в Джиdde, Каире). Подобный сценарий в ситуации Советской России по объективным причинам (отсутствие колониальных владений, способных претендовать на роль центра халифата; антирелигиозная идеология; увязка идеи халифата с «ужасами колониального гнета») не мог реализоваться: пришлось рассчитывать на иные, опосредованные, формы влияния.

Другим отличием было и то, что канувший в Лету проект воссоздания халифата в глазах Восточного отдела ОГПУ сменился идеей глобалистского националистического проекта под знакомым с имперских времен названием «пантюркизм»: угрозой формирования на базе «восточных окраин» приграничного пояса протурецких тюркских государств. География британских владений, напротив, толкала английскую бюрократию и MI-6 в странах Востока в сторону поддержки регионального национализма [21].

Случай Бигиева – российского мусульманского общественно-политического лидера, пропагандиста и информанта – показывает, что он и ему подобные своими заявлениями и поступками укрепляли советских чиновников в понимании ислама как грозного политического оружия, в восприятии мусульманских лидеров как послушных исполнителей, временных союзников в решении государственных задач. А для работников спецслужб практический вопрос состоял только в том, против кого это оружие и этот инструмент будут направлены.

Источники

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Фонд Емельяна Ярославского. Оп. 4. Д. 117. Переписка Ярославского с ЦК, НКВД, Обкомом ТАССР о мусульманском духовенстве, издании антирелигиозного журнала «Дагриляр». 1923–1928.

Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2 (Б/н). Оп. 1. Д. 661. Сводки материалов, поступивших из Татарского и Башкирского отделов ГПУ и ППГПУ Урала и Киргизии о деятельности националистических группировок и м/д. Май – сентябрь 1923 г.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.

- ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 666.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 731.
ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 737.
ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 401. Восточный отдел (по ГПУ Крыма). 1926.
ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 417. Обзоры Восточного отдела. 1927.
Управление ФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 113. Оп. 1. Д. 60.

Литература

1. Джемаль О. Исламское возрождение как поиск новых форм политического представительства (интервью). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017;(3):318–331. DOI: [10.22394/2073-7203-2017-35-3-318-331](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-318-331).
2. Bayly C. A. *Empire and information: Intelligence gathering and social communication in India, 1780–1870*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996.
3. Meleady C. Negotiating the caliphate: British responses to pan-Islamic appeals, 1914–1924. *Middle Eastern Studies*. 2016;52(2):182–197. DOI: [10.1080/00263206.2015.1117975](https://doi.org/10.1080/00263206.2015.1117975).
4. Гёрмез М. Муса Джаруллах Бигиев. Анкара; 1994. Режим доступа: <http://disus.ru/knigi/418834-1-mehmet-germez-musa-dzharullah-bigiev-tureckogo-yazika-perevel-starshiy-nauchniy-sotrudnik-instituta-istorii-shma.php> [Дата обращения: 23.12.2014].
5. Тагирджанова А. Н. Деятельность мусульманской интеллигенции в столице Российской империи: петербургские адреса Мусы-эфенди. В: Кашаф Ш. Р. (ред.) *2-е Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI в.: единство традиции и обновления: материалы 2-й Междунар. науч.-образоват. конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.* М.: Медина; 2016. С. 385–394.
6. Тагирджанова А. Н. *Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках: сборник историко-биографических материалов*. Казань; 2010.
7. Хайрутдинов А. Г. Уникальные записи Мусы Бигиева о его хадже 1927 года. В: *Хадж российских мусульман. № 8*. М.: Медина; 2017. С. 7–14.
8. Романенко В. С. *Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е гг. XX в.* Нижний Новгород: Медина; 2005.
9. Христофоров В. С. Обзоры советских спецслужб о политическом состоянии СССР и его восточных окраин как источник по истории «внутреннего» и зарубежного Востока. В: *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН)*. М.: Институт востоковедения РАН; 2018. С. 235–248.
10. Гусева Ю. Н. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики. *Отечественные архивы*. 2018;(2):56–61.
11. Арапов Д. Ю. (сост.) *Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)*. М.: Наталис; 2006.
12. Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. (сост.) *Ислам и советское государство (по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г.)*. М.: Марджани; 2010. Вып. 1.
13. Ferris J. The Internationalism of Islam: The British Perception of a Muslim Menace, 1840–1951. *Intelligence and National Security*. 2009;24(1):57–77.
14. Macfie A. British Intelligence and the Turkish National Movement, 1919–22. *Middle Eastern Studies*. 2001;37(1):1–16. DOI: [10.1080/714004366](https://doi.org/10.1080/714004366).

15. Исаков С. М. (сост.). *Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока. Москва. 1918, 1919 гг.* М.; СПб.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив; 2017.

16. Хайрутдинов А. Г. Хаджнаме Мусы Бигиева. «Из России, можно сказать, я один...» (окончание). *Ислам в современном мире*. 2016;12(4):25–44. DOI: [10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44](https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44).

17. Арапов Д. Ю. (сост.) *Ислам и советское государство (1917–1936)*. М.: Марджани; 2010. Вып. 2.

18. Бигиев Муса Джаруллах. *Избранные труды*. Казань: Татарское кн. изд-во; 2006. Т. 2.

19. Хайрутдинов А. Г. *Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева)*. Казань: Иман; 1999.

20. Гусева Ю. Н. Муса Бигиев и его усилия в деле объединения российских мусульман в 1920-е гг. В: Кашаф Ш. Р. (ред.) 2-е Бигиевские чтения – 2015. *Мусульманская мысль в XXI в.: единство традиции и обновления: материалы 2-й Междунар. науч.-образоват. конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.* М.: Медина; 2016. С. 109–114.

21. Mathew J. Spectres of Pan-Islam: Methodological Nationalism and British Imperial Policy after the First World War. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2017;45(6):942–968. DOI: [10.1080/03086534.2017.1355524](https://doi.org/10.1080/03086534.2017.1355524).

References

1. Jemal O. Islamic Revival as a Search for New Forms of Political Representation. *Gosudarstvo, religiia, tserkov v Rossii i za rubezhom*. 2017;(3):318–331. DOI: [10.22394/2073-7203-2017-35-3-318-331](https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-318-331). (In Russ.)

2. Bayly C. A. *Empire and information: Intelligence gathering and social communication in India, 1780–1870*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996.

3. Meleady C. Negotiating the caliphate: British responses to pan-Islamic appeals, 1914–1924. *Middle Eastern Studies*. 2016;52(2):182–197. DOI: [10.1080/00263206.2015.1117975](https://doi.org/10.1080/00263206.2015.1117975).

4. Görmez M. *Musa Carullah Bigiev, Editions de la Fondation des Affaires religieuses de Turquie*. Ankara; 1994. Available at: <http://disus.ru/knigi/418834-1-mehmet-germez-musa-dzharullah-bigiev-tureckogo-yazika-perevel-starshiy-nauchniy-sotrudnik-instituta-istorii-shma.php> [Accessed: 23.12.2014]. (In Russ.)

5. Tagirdzhanova A. N. The Muslim intelligentsia in the Russian Imperial capital. Musa-efendi's addresses in St Petersburg In: Kashaf Sh. R. (ed.) *Second Musa Bigiev Meeting – 2015. The Muslim Thought in the 21st century. Traditions and innovations. Proceedings of the Second International Scholarly and Educational Meeting. St Petersburg, May 17–20, 2015*. Moscow: Medina; 2016. Pp. 385–394. (In Russ.)

6. Tagirdzhanova A. N. *Musa-efendi, his time and his contemporaries*. Kazan; 2010. (In Russ.)

7. Khairutdinov A. G. A unique memoir by Musa Bigiev regarding his Hajj in 1927. In: *Hajj of the Russian Muslims. No 8*. Moscow: Medina; 2017. Pp. 7–14. (In Russ.)

8. Romanenko V. S. *A cooperation between the Soviet diplomatic services and the USSR Muslim clergy in the 1920s*. Nizhnii Novgorod: Medina; 2005. (In Russ.)

9. Khristorov V. S. Reports of the Soviet secret service regarding the political status of the USSR and its eastern border lands as a source on the history of the “internal” Russian and foreign East. In: *Proceedings of the Institute of Oriental Studies, RAS. Issue 17: Archival Oriental Studies (Materials of the celebratory meeting on the occasion of the 200th anniversary*

of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; 2018. Pp. 235–248. (In Russ.)

10. Guseva Yu. N. First circular letters of the Oriental Department of the OGPU (1922–1923). The Soviet counterintelligence and the “Eastern” direction of the Russian politics. *Otechestvennyye arkhivy = Domestic archives*. 2018;(2):56–61. (In Russ.)

11. Arapov D. Yu. (ed.) *Imperial Russia and the World of Islam (18th–beginning of the 20th Cent.)*. Moscow: Natalis; 2006. (In Russ.)

12. Arapov D. Yu., Kosach G. G. (eds) *Islam and the Soviet State (from the holdings of the OGPU Oriental Department – 1926)*. Moscow: Mardzhani; 2010. Iss. 1. (In Russ.)

13. Ferris J. The Internationalism of Islam: The British Perception of a Muslim Menace, 1840–1951. *Intelligence and National Security*. 2009;24(1):57–77.

14. Macfie A. British Intelligence and the Turkish National Movement, 1919–22. *Middle Eastern Studies*. 2001;37(1):1–16. DOI: [10.1080/714004366](https://doi.org/10.1080/714004366).

15. Iskhakov S. M. (ed.). *The minutes of the First and Second All-Russia Congresses of the Communist federations of the Peoples of the East*. Moscow; St Petersburg; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2017. (In Russ.)

16. Khairutdinov A. G. Musa Bigiev’s Hajjname. ‘It may be said i am the only one from Russia...’ (ending). *Islam in the modern world*. 2016;12(4):25–44. (In Russ.) DOI: [10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44](https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-4-25-44).

17. Arapov D. Yu. (ed.) *Islam and the Soviet State (1917–1936)*. Moscow: Mardzhani; 2010. Iss. 2. (In Russ.)

18. Bigiev M. J. *Selected Works*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo; 2006. Vol. 2. (In Russ.)

19. Khairutdinov A. G. *The last theologian of the Tatars (Life and Works of Musa Jarullah Bigiev)*. Kazan: Iman; 1999. (In Russ.)

20. Guseva Yu. N. Musa Bigiev and his struggle to unite the Russian Muslims in the 1920s. In: Kashaf Sh. R. (ed.) *Second Musa Bigiev Meeting – 2015. The Muslim Thought in the 21st century. Traditions and innovations. Proceedings of the Second International Scholarly and Educational Meeting. St Petersburg, May 17–20, 2015*. Moscow: Medina; 2016. Pp. 109–114. (In Russ.)

Информация об авторе

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Самарского филиала Московского городского педагогического университета, г. Самара, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 марта 2019 г.
Одобрена рецензентами: 24 апреля 2019 г.
Принята к публикации: 8 мая 2019 г.

Information about the author

Julia N. Guseva, Ph. D habil. (Hist.), Deputy Director, Moscow City University, Samara branch, Samara, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: March 27, 2019
Reviewed: April 24, 2019
Accepted: May 8, 2019